УДК 343

© Кисляков А. В., 2016,
канд. юрид. наук, доцент кафедры правового обеспечения
государственной и муниципальной службы,
Владимирский филиал РАНХиГС

ОГРАНИЧЕННАЯ ВМЕНЯЕМОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация*: в статье проводится анализ основных исторических этапов философско-этического осмысления института ограниченной вменяемости XIX – XX вв. и его закрепления в уголовном законодательстве. Раскрываются проблемы толкования психических расстройств в рамках вменяемости и определение их как «уменьшенная вменяемость», «ограниченная вменяемость», «психические аномалии» и др.*

Ключевые слова*: психические аномалии, ограниченная вменяемость, критерии психических расстройств, преступление.*

Abstract*. The article analyzes the main historical stages of philosophical and ethical reflection of diminished responsibility Institute of XIX - XX centuries. and secure it in the criminal law. Reveals the problems of interpretation of mental disorders within sanity as "diminished responsibility", "diminished responsibility", "mental abnormality" and others.*

Keywords*: mental abnormalities, diminished responsibility, the criteria for mental disorders, crime.*

Восприятие уголовно-правового запрета и уголовно-правового воздействия лицами, страдающими психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, развивалось не на пустом месте. Данная проблема имеет широкую, обобщенную, динамическую в историческом контексте философскую и этническую базу, которая позволила в XIX - XX вв. сформировать научно обоснованный подход теории законодательства, практики индивидуализации уголовной ответственности и наказания ограниченно вменяемых лиц.

Большое влияние на формирование концептуальных положений о человеке как социальной ценности, необходимости всесторонне учитывать его способности и возможности как субъекта поведения и участника взаимодействия с другими людьми оказали труды таких великих ученых-философов, как Вольтер, Монтескье, Дидро и других. Гуманность в отношении личности и регулирование ее поведения сочетались с некоторой избыточностью рационализма в работах этих ученых. Нельзя не оценить их вклад в развитие и расширение методологической базы, на которой только и было возможно проведение в жизнь на научном уровне идеи справедливой уголовной ответственности на основе личностного подхода, с учетом и психического здоровья субъекта.

В последующем, развитие классической и социологической школ философии права позволило их представителям сформулировать не всегда совпадающие взгляды в преступном поведении человека с детерминантами психики. Так одним из представителей классической школы права был Ламерти, который считал, что все идет от природы: «Мы получаем ценные качества только благодаря ей; мы обязаны ей во всем, что собой представляем» [1, с. 194-195].

В отличие от Ламерти, Локк полагал, что человеческие поступки определены исключительно социальными импульсами: «Кто внимательно изучал состояние ребенка

при появлении его на свет, у того мало оснований думать, что ребенок в изобилии снабжен идеями, которые должны быть предметом его знания» [2, с. 156].

В дальнейшем противоборство социального и биологического легло на плечи неподражаемых философов Канта и Гегеля.

Гегель, рассуждая о зависимости вывода по поводу установления невменяемости человека от наличия неопределенности воли, образования, самосознания и благоразумия, отмечает наличие многих степеней такой неопределенности – от нерезких до резко выраженных. Только последние ведут к невменяемости (идиотизм, сумасшествие), менее резкие степени совместимы с вменяемостью. Только обоснованные выводы и усилия Канта позволили юристам определять факт вменяемости (невменяемости) в случаях совершения субъектом преступления. В это же время развиваются знания о субъективной стороне деяния и свойств личности субъекта у ведущих психиатров. К примеру, врач-психиатр Марк Анселий полагал, что только врач компетентен судить, сошел ли с ума данный субъект и какова степень его дееспособности в случае болезни [3, с. 137]. Однако, несмотря на признание за юристами этого права, полемика по поводу прерогативы признавать лицо вменяемым или невменяемым продолжается и в настоящее время.

Философско-этическая мысль нашла отражение во взглядах представителей такого направления, как экзистенциализм (философия существования). При рассмотрении сущности данного направления исходящим ее началом являлся истинный гуманизм, потому что он не рассматривает сущность человека как нечто ставшее и сложившееся. Следует сказать и о том, что сторонники экзистенциализма полагали, что особое внимание и акцент необходимо делать на свободе человека, который сам в практической деятельности выбирает себя (Ж.-П. Сартра, К. Ясперс, Г. Марсель и др.) По своей направленности в решении рассматриваемого нами вопроса экзистенциализм относится к линии, относящейся к творчеству И. Канта. И это не случайно, поскольку данное направление разделяет утверждение об абсолютной свободе человека и отвергает положение о детерминированности человеческих поступков социальной средой, но дает при этом свою аргументацию. Особенность экзистенциалистского взгляда еще проявляется и в том, что проблема свободы и ответственности человека рассматривается сквозь призму конечности и, как следствие этого, бессмысленности человеческого бытия.

С развитием научной мысли наблюдается сближение ведущих школ права. Часто говорится о том, что многие поведенческие реакции человека наследуются, но социальные детерминанты в состоянии скорректировать наследственные задатки. Реакцией на это исследование стала корректировка наказаний, применяемых к психически аномальным правонарушителям. Появляются разновидности составов преступлений, характерные для лиц с детерминантами психики. В свою очередь психологи и психиатры стали больше уделять внимания криминальным аспектам биологического и социального в поведении человека.

Основателем собственной антропологической теории стал Ломброзо, создавший учение о прирожденном преступнике, говорил о том, что преступность обычно возникает на почве болезненной порочности и исцеляется или медицинским лечением, или благоприятными изменениями жизненной обстановки. Это болезненно-порочная природа передается далее путем унаследования различных дефектов. Уделяя внимание особым факторам, этот ученый тем не менее считал, что они подчиняются социальным факторам. В его работах также встречаются характеристики отличия преступного человека от непреступного по патологическим и личностным чертам: отсутствие раскаяния, угрызение совести, цинизм, тщеславие, жестокость.

Представители данного направления (Ферри, Гарофалло и др.) полагали, что преступность есть патологическое явление биологического характера, постоянная ступица человечества. Преступление – это результат болезни нравственного помешательства и выражение атавизма. Таким образом, Ферри признавал «физическую» вменяемость, выражающуюся в самом деянии преступника, которое он совершил. Следовательно, все, включая душевнобольных, должны нести социальную ответственность. Гарофалло предлагал профилактическую смертную казнь прирожденных преступников и душевнобольных, определяемых судом по биосоциальной классификации.

Представители философской, юридической и психиатрической мысли оказали влияние на формирование уголовного законодательства конца XVIII - начала XIX веков. Нередко законодательство шло по пути уменьшения наказания для лиц с детерминантами психики.

Следует заметить, что концептуальные теоретические основы обращения с аномальными преступниками до XIX века разрабатывались в основном на Западе и имели место закрепления в законодательных установлениях.

Гуманистическое направление в сторону смягчения наказания лицам, страдающими психическими расстройствами, закрепилось и в нормах Русской Правды. Так, статья 6 предусматривала уменьшение ответственности в зависимости от состояния человека, совершившего убийство. Если убийство произошло во время ссоры на пиру, то лишь в этом случае применялось смягчение наказания. Уменьшалось либо «оставалось» наказание по ст. 195 в Воинских Артикулах Петра I за совершение преступления «в лишении ума». Учреждение о губерниях Екатерины II установило, что «безумные» предавались необычному суду, а специальному органу, так называемому «совестному» суду, который был обязан руководствоваться правилами человеколюбия. Вместе с тем нужно отметить, что русское законодательство в период между Русской Правдой и законодательством Петра I и Екатерины II создавало достаточные, хотя и не всегда сформулированные основания для освобождения от наказания помешанных и «блаженных».

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных Российской империи, разработка которого завершилась в 1865 г., были зафиксированы три категории состояний, исключающих способности к вменению: недостаточность умственного развития, болезненное расстройство душевной деятельности и бессознательное состояние. При этом также учитывалось малолетство и несовершеннолетие. Характеризуя данные категории, видный юрист Н.С. Таганцев дает свою оценку. «Так как невменяемость может зависеть от того, что условия вменяемости еще не наступили, или от того, что они утратились, то и состояния невменяемости могут быть сведены к двум главным типам: 1) невменяемость, происходящая от ненаступления надлежавшего психического развития и 2) невменяемость, происходящая от потери лицом достигнутого уже им надлежавшего психического развития» [4, с. 153-155].

В главе V Уложения, озаглавленной «Об обстоятельствах, уменьшающих вину и наказание» сказано, что «обстоятельствами, в большей или меньшей мере уменьшающими вину, а с тем вместе и строгость следующего за оную наказания, признаются... если преступление учинено им по легкомыслию или же слабоумию, глупости и крайнему невежеству, которым воспользовались другие для вовлечения его в сие преступление» (ч. 4 ст. 140). Далее, в ст. 141, говорится о компетенции суда, который, учитывая вышеприведенные обстоятельства, решает вопрос о большей или меньшей мере уменьшения наказания [5, с. 201].

С развитием классической, социальной и антропологической школ уголовного права ведущие юристы конца XIX века выдвигают ряд понятий, тесно соприкасающихся с психическими детерминантами преступного поведения. Не забывая о том, что предпочтение отдавалось биологическим свойствам преступника, социальные признаки последнего подвергались глубокому исследованию и нашли свое законодательное закрепление.

Впервые свое юридическое значение ограниченная («уменьшенная») вменяемость получила в Германии в Саксонском уложении 1855 г. Впервые понятие «уменьшенной» вменяемости сформулировал великий юрист-правовед Каль на Инсбрукском съезде юристов в 1904 г. Сущность ограниченной вменяемости сводилась к формуле: «уменьшенная вменяемость - уменьшенная вина - уменьшенная ответственность» преступника с психическими аномалиями. Гаер, например, считал, что если психическая свобода имеет степени и если, следовательно, допускается переход от полной свободы до полной несвободы, то понятно, что законодатель не должен игнорировать этого обстоятельства. Полное вменение не должно иметь место там, где является состояние неполной свободы; следовательно, состояния, влияющие на вменяемость, являются как бы основаниями к смягчению наказания. По Тиссо, «степень вменяемости» зависит от «степени внутренней свободы», от «степени обдуманности» и тому подобных обстоятельств [6, с. 328].

Являясь сторонниками классической школы права, А. Фейербах и И. Бентам неразрывно связывали вменяемость и вину, полагая, что если преступник несет на себе меньше субъективной вины (т.е. ограниченно вменяем), то он должен нести и меньшее наказание. Эту связь они усматривали на основе идеи о том, что психически неполноценное лицо обладает меньшей злой волей, и, следовательно, вина его меньше и он должен нести меньшее наказание. Они считали, что источник преступления - злая воля, выступающая как самостоятельное духовное начало. При совершении деяния лицо, проявляя злую волю в результате болезни, оказывается менее свободным. Что касается невменяемых, то их злая воля не есть проявление свободной воли, поэтому они вообще не несут ответственности.

А. Кони, являясь представителем либеральной юридической мысли, писал: «В области права… предстало учение итальянской антропологической школы и всех ее разветвлений… в уголовном процессе также необходимы новеллы для углубленного изучения самого важного обстоятельства в каждом уголовном деле, то есть самого обвиняемого, душевных свойств и умственного состояния человека» [7, с. 395].

Большинство ученых прошлого и начала нынешнего столетий формулу невменяемости, состоящую из медицинского и юридического критериев, подвергали расщеплению. Вследствие этого образовалась концепция ограниченной («уменьшенной») вменяемости, которая должна была действовать как самостоятельная уголовно-правовая единица. Причем ее решение, с одной стороны, вытекало из общих понятий вменяемости и невменяемости, а с другой – уточняло границы их применения.

Большинство отечественных криминалистов (Н. С. Таганцев, А. Ф. Кистяковский, С. В. Познышев и др.), проявляя значительное внимание правовых последствий совершения деяния лиц с психическими аномалиями, отрицали понятие ограниченной («уменьшенной») вменяемости и высказывались против ее законодательного закрепления. Сторонники этой концепции полагали, что «…существует лишь двоякая возможность: или признавать наличие условий, устраняющих вменяемость, или установить отсутствие таковых. В первом случае лицо освобождается от уголовной ответственности, во втором подлежит наказанию. Таким образом, между вменяемостью

и невменяемостью отсутствует какое-либо третье, посредствующее состояние» [8, с. 413].

Отвергая понятие «уменьшенной» вменяемости, некоторые отечественные ученые считали, что нет среднего между состояниями вменяемости и невменяемости, так как уменьшенная вменяемость есть та же вменяемость.

Являясь одним из ведущих представителей классического направления, Н. С. Таганцев отмечал: «Способность осознавать и понимать окружающие нас явления как способность оценивать осознанное, допускает весьма различные оттенки, значительно изменяющиеся как количественно, так даже и качественно эти оттенки могут влиять на ответственность» [4, с. 153]. В своих рассуждениях великий юрист говорит и о том, что «…внесение в закон нормы об «уменьшенной» вменяемости является излишним, так как, к примеру, глупость, опьянение и душевная неуравновешенность являются слабым очертанием «уменьшенной» вменяемости с одной стороны, а с другой - не всегда в подобных состояниях можно найти основания для уменьшения наказания» [4, с. 154]. Также Таганцев отмечает, что «вменяемость не имеет постоянной марки, абсолюта, и потому можно допустить существование «особой» способности к вменению». Кроме того, Н. С. Таганцев полагает, что «наиболее глубокий анализ вменяемости (невменяемости), как результат психических процессов, относится к компетенции врачей и психологов», таким образом, он связывал теоретическое понятие вменяемости с конкретными психическими особенностями того или иного лица. «Нравственное притупление, психическая неуравновешенность, психическое вырождение могут проявляться в таких кровавых злодеяниях, что даже самые крайние сторонники антрополого-психиатрических воззрений на преступность не решаются рекомендовать в таких случаях снисходительности, а определяют к ним более или менее крутые меры охраны» [9, с. 70].

Учитывая антропологические и психиатрические характеристики, Таганцев Н. С. отрицает использование понятия «уменьшенной» вменяемости.

Так же следует понимать высказывание С. В. Познышева, возражающего против понятия «уменьшенной» вменяемости по тем мотивам, что «уменьшенная» вменяемость есть частный случай вменяемости полной: «Между состоянием вменяемости и невменяемости нет ничего посредствующего, человек вменяем или невменяем. Если у него есть все обнимаемые понятием вменяемости способности, хотя бы и в слабо развитом состоянии, он вменяем; если отсутствует хотя бы один из элементов вменяемости – он невменяем» [10, с. 190]. Классифицируя преступников по психологической конституции, С. В. Познышев отмечал, что «серьезное внимание нужно обращать на наследственность и «органическую подкладку» психической конструкции». По этому признаку «целесообразно каждую группу подразделить на лиц с нормальной нервной системой и невропатов, людей без признаков физической деградации и дегенератов. Если отказаться от идеи возмездия в отношении субъектов с ослабленной психикой, то с точки зрения предупреждения преступлений вряд ли можно найти основание для безусловного смягчения или уменьшения им наказания» [11, с. 46].

В дореволюционной литературе отрицание «уменьшенной» вменяемости имело место и в другом аспекте. Отдельные авторы рассматривали «уменьшенную» вменяемость как частный случай невменяемости. Большинство ученых, предлагавших отказаться от понятия ограниченной вменяемости, стояли, однако, на тех позициях, что обстоятельства, влияющие на «уменьшенную» вменяемость, «возможно учитывать при назначении наказания» [12, с. 5]. Поэтому понятие «уменьшенной» вменяемости есть опасная бессмыслица, которая будет лишь связывать суд [13, с. 786-787].

Однако взгляд, относящийся отрицательно к уменьшенной вменяемости и видящий в ней лишь основание для уменьшения наказания, постепенно сменяется новым.

Под влиянием общего прогресса в области психиатрии в науке уголовного права укрепляется взгляд на то, что границу между нормальным и ненормальным человеком, т.е. между вменяемым и невменяемым, резко провести нельзя, что природа не делает скачков, что все формы психического состояния лица, совершившего преступление, нельзя уложить или в понятие вменяемости, или в понятие невменяемости. Новый подход говорил о том, что между вменяемостью и невменяемостью существует ряд градаций, которые создают некую посредствующую и промежуточную зону.

Заслуживают внимание положения, высказанные в зарубежной литературе по концепции ограниченной («уменьшенной») вменяемости.

Так, профессор Брюссельского университета А. Амон категорически возражал против понятия «уменьшенной» вменяемости, считая, что между полной вменяемостью и полной невменяемостью нет ничего среднего. А. Амон полагал, что вменяемость - это плод человеческой фантазии, используемый для решения вопроса о применении уголовной репрессии, и поскольку в этом смысле понятие «уменьшенной» вменяемости идее правосудия служить не может, такое понятие бессмысленно.

Однако имелись и ученые, способствующие исследованию и развитию института ограниченной вменяемости.

Сторонники социологической школы права Лист, Тард, Принс, Ван-Гамель и др. великие деятели способствовали развитию данного института. В 1889 г. был организован Международный союз криминалистов, который существовал до 1914 г. и провел 12 съездов. Особое внимание криминалистов обращалось на исследования причин преступности, «опасное состояние» преступника, меры профилактики и безопасности. Учитывая «опасное состояние» преступников, их подразделяли на: а) случайных, совершающих преступление под воздействием внешних условий; б) хронических (привычных), совершающих преступления в силу внутренних свойств, как правило, психических аномалий.

Прямая зависимость преступности от психических аномалий предопределила особое понимание «уменьшенной» вменяемости. Сначала - компромисс с классической школой: уменьшенная вменяемость равно уменьшенная вина (см. Итальянское уложение 1889, где при уменьшенной вменяемости лицо подвергалось уменьшенному наказанию, при этом лишение свободы могло заменяться на пребывание в особом убежище до тех пор, пока это решение не будет отменено). Например, по мнению Листа, все лица, совершившие преступление в состоянии уменьшенной вменяемости, делятся на «опасных» и «менее опасных». Для «опасных» Лист предлагал не только особый тюремный режим, но и меры безопасности еще до совершения преступления. На Брюссельском (1910) и Копенгагенском (1913) съездах Международного союза криминалистов вопрос об уменьшенной вменяемости был тесно увязан с проблемой «опасного состояния». Для опасных преступников предлагалась идея неопределенных приговоров и тезис о необходимости продления срока после отбытия наказания.

Ограниченную вменяемость признавали такие отечественные юристы, как Л. Е. Владимиров, В. Д. Спасович, Э. Я. Немировский и др. Последний, рассматривая ограниченную вменяемость как психическую дефективность, указывал: «психическое состояние представляет собою как бы переходную ступень от психического равновесия к душевному расстройству, от вменяемости к невменяемости; понятие «уменьшенной» вменяемости должно существовать в уголовном праве, но наказание, применяемое к лицам, признанными умственно-вменяемыми, должно быть качественно-отличным,

лечебно-воспитательным» [14, с. 256]. В связи с этим Э. Я. Немировский считал правильным организовать для лиц, совершивших преступление в состоянии «уменьшенной» вменяемости и отбывающих вследствие этого наказание, особые, оздоровительные учреждения.

В. Д. Спасович, различая в юридической вменяемости три стадии (полную вменяемость, полную невменяемость и ослабленную вменяемость), полагал, что «ослабленная вменяемость, не уничтожая вины, оказывает только влияние на смягчение наказания» [15, с. 218]. Стремление к глубокому пониманию связей между нормами права и психическими процессами отдельных лиц (правонарушителей) приводило к защите понятия «уменьшенной» вменяемости, по тем мотивам, что «уменьшенная» вменяемость наступает тогда, когда налицо признаки невменяемости, однако взятые в меньшем размере.

Характеризуя ограниченную вменяемость, М. Исаев полагает, что «уменьшенная» вменяемость охватывается понятием невменяемости. А. А. Жижиленко считает необходимым рассматривать «уменьшенную» вменяемость как обстоятельство, устраняющее уголовную ответственность, причем не относя ее к вменяемости. В. С. Трахтеров определил преступления, совершенные ограниченно вменяемыми лицами, как «коллективную вину общества».

Криминологический аспект психически аномального преступника, по мнению Е. К. Краснушкина, «должен был учитываться при психиатрическом изучении психопатической личности и психической индукции на преступность со стороны психопатов. Исследовались также индивидуальные механизмы преступления здоровых и больных, социальные факторы дегенерации; предпринимались попытки разработать классификацию преступников по их индивидуальным свойствам. Изучались психиатрические принципы пенитенциарной политики» [16, с. 29]. «Уменьшенная вменяемость есть компромиссное соглашение юристов с психиатрами» и «это завоевание психиатров, которым, к сожалению, они не могут гордиться» [17, с. 197]. С ростом психиатрических знаний, с уточнением диагностики и более точной дифференциацией степеней нарушения психической деятельности рассматриваемый вопрос должен найти свое разрешение. Необходима дальнейшая теоретическая и организационная разработка вопросов вменяемости и невменяемости для группы пограничных состояний.

В процессе эволюции «уменьшенная» вменяемость претерпела качественные изменения, но и в современных условиях проблема юридической и судебной психолого-психиатрической оценки психических аномалий не только не потеряла своей актуальности, но и приобрела еще большую остроту. Об этом свидетельствуют многочисленные научные исследования по указанной проблеме таких научных деятелей, как Ю. М. Антонян, С. В. Бородин, Р. И. Михеев, Н. И. Фелинская, Г. В. Морозов, Т. П. Печерникова, Б. В. Шостакович, С. Н. Шишков и др.

Несмотря на дискуссионность проблемы ограниченной вменяемости, многие исследователи упирались в немаловажную проблему свободы воли и ответственности лиц с психическими детерминантами. Исследователь Н. Т. Малаховская отмечала, что «при прочих равных условиях личность психически неполноценного преступника объективно более общественно опасна, чем личность практически здорового субъекта. Повышенную общественную опасность личности психически аномального преступника связывают с психическими отклонениями, с болезненной патологией таких лиц. Те же факторы, которые повышают объективно опасность психически аномального преступника, в то же время ограничивают его способность сознавать фактическую сторону и социальное значение своих действий и правильно руководить ими» [18, с.

118]. Такую же позицию по указанной проблеме отстаивали Д. Р. Лунц, В. С. Орлов, О. Е. Фрейеров, С. П. Щерба и др.

Однако законодательного закрепления в памятниках дореволюционного уголовного права России данный институт не получил. Несмотря на отсутствие норм об ограниченной вменяемости в уголовном законодательстве РСФСР, судебно-психиатрическая практика свидетельствовала о значительном количестве лиц, признаваемых в то время ограниченно вменяемыми [20, с. 211].

Этому способствовало также и отсутствие четких формулировок критериев невменяемости в ст. 14 Руководящих начал 1919 г. и ст. 17 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., что вело к широкому его толкованию. Однако по мере накопления экспертного опыта стало ясно, что были допущены переоценки отдельных психических отклонений, которые рассматривались как тяжелые изменения в психике испытуемого лица. Особенно это касалось психопатии. Ошибочность такой практики привела к тому, что идея «уменьшенной» вменяемости все чаще среди юристов и психиатров получает отрицательную оценку. В результате с кона 20-х и до начала 60-х к проблеме ограниченной вменяемости сложилось негативное отношение. Поэтому вопрос о влиянии психических аномалий на уголовную ответственность почти не изучался. В частности, в уголовно-правовой литературе на эту тему либо вообще ничего не говорилось, либо «уменьшенная» вменяемость отвергалась как «ненаучная» постановка проблемы.

Динамика развития учения о расстройствах личности наблюдается в отечественной юриспруденции и психиатрии в начале XX века. Отражение концепции уменьшенной вменяемости в уголовном праве нашей страны впервые были отражены в Уголовном кодексе 1922 г. (ст. 18а и 18б) и 1926 г. (ст. 50).

Проблема ограниченной вменяемости была поднята на встрече юристов и судебных психиатров во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности в 1965 г. Там обсуждался вопрос юридической оценки психических аномалий, не исключающих вменяемости субъекта совершения преступления. На состоявшейся встрече ряд юристов (Злобин, Кербиков, Петрухин, Михайловская) высказались за введение института ограниченной вменяемости в уголовное законодательство СССР, мотивируя это тем, что группа расстройств личности, очерченных пограничными состояниями, подразумевала диагностику этих состояний с опорой на строгие клинические критерии. В дальнейшем была развита концепция о динамике расстройств личности, сыгравшая значительную роль в подходах к их клинической и экспертной оценке [21, с. 7].

Другие авторы (Алексеева, Морозов, Лунц, Карпец), обращая внимание на необходимость учета психических аномалий при назначении наказания и индивидуализации уголовной ответственности, выступали против закрепления в уголовном законе института ограниченной вменяемости. Лунц полагал, что развитие судебной психиатрии будет тормозиться, ибо эксперты будут относить сложные случаи к уменьшенной вменяемости или уменьшенная вменяемость приведет к экспертному усмотрению. Уменьшенная вменяемость как промежуточное звено избавляет эксперта от стремления к точной диагностике и максимально возможной четкой оценке психических расстройств.

Результатом острых дискуссий явилась ст. 15 Основ уголовного законодательства СССР, принятых 2 июля 1991 г.:

«Лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии ограниченной вменяемости, т.е. не могло в полной мере

осознавать значение своих действий или руководить ими вследствие болезненного психического расстройства, подлежит уголовной ответственности.

Состояние ограниченной вменяемости может учитываться при назначении наказания и служить основанием для применения принудительных мер медицинского характера».

Диспозиция ст. 15 Основ в последующем нашла свое отражение в ст. 22 УК РФ 1997 г.

«Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности.

Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера».

Список литературы

1. Ламерти Ж. О. Сочинения. - М., 1983.
2. Локк Д. Соч. в 3-х томах. - М., 1985. - Т. 1.
3. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. - СПб., 1997.
4. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. - М., 1994.
5. Законодательство первой половины XIX века. Том 6. - М., 1988.
6. Гаер. Учебник уголовного права. - Одесса, 1873.
7. Кони А. Ф. Собр. соч. в 8 томах. - М., 1967. – Т. 4.
8. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. – СПб., 1902.
9. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Кн. 1. – СПб., 1874.
10. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. - М., 1907.
11. Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. - Л., 1926.
12. Бобрищев-Пушкин А. М. Гипноз и невменяемость. Журнал Министерства Юстиции. – М., 1898. - Кн. 6.
13. Сербский В. П. Законодательство о душевнобольных. Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. - М., 1905. - Кн. 5.
14. Немировский Э. Я. Основные начала уголовного права. - Одесса, 1917.
15. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. – СПб., 1868.
16. Краснушкин Е. К. Кабинет по изучению личности преступника и преступности / Мосздравотдел. - М., 1925.
17. Краснушкин Е. К. Избранные произведения. - М., 1960.
18. Малаховская Н. Т. Криминологическое значение патологических аномалий психики виновного // Сов. государство и право. - 1973. - № 10.
19. Фейнберг Ц. М. Судебно-психиатрическая экспертиза и опыт работы Института судебной психиатрии им. В. П. Сербского за 25 лет. Журнал Проблемы судебной психиатрии. - М., 1947.
20. Лунц Д. Р. Проблемы невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. - М., 1966.
21. Дианов Д. А. Формула невменяемости и практика ее применения в советский период развития судебной психиатрии: автореф. дис. ... канд. мед. наук. - М., 1997.